

пишет С. Л. Франк, «вообще не существует отдельно, а существует лишь в неразрывном единстве Бого-человечества. Нравственное сознание человека есть вообще не что иное, как практическая сторона сознания его богочеловеческого существа» [5, с. 24]. Или, как пишет С. Н. Булгаков: «Человек есть одновременно тварь и не-тварь, абсолютное в относительном и относительное в абсолютном. Он есть живая антиномия, непримиримая двойственность, воплощенное противоречие» [1, с. 242]. Человек по С. Н. Булгакову потенциально божественен: «Как образ Божий, он имеет формально природу Божества, есть бог *in potentia* и только в силу этой божественной потенциальности способен к “обожению”» [1, с. 242–243]. Человек является большим, чем просто сотворенное существо. Он потенциально божествен. Как замечает С. Л. Франк: «Это единственное здоровое и нормальное человеческое самосознание упирается в конечном итоге в сознание столь интимно-неразрывной связи человека с Богом, что эта связь становится неким *двуединством*. Это значит: богоподобие и богосродство человека, в сочетании с необходимым различием между Богом и человеком, предполагает идею *богочеловечности*. Исторически в христианском сознании идея богочеловечности открылась конкретно в личности Иисуса Христа и была фиксирована в христологическом догмате» [5, с. 314]. Таким образом, центральное, высшее положение человека в мире связано с личностью Иисуса Христа. Как пишет С. Н. Булгаков: «Христос есть Небесный Человек» [1, с. 248]. А так как, замечает далее русский философ: «Человек в своей причастности Человеку Небесному объемлет в себе *все* в положительном всеединстве. Он есть организованное все или всеорганизм» [1, с. 248]. В связи с тем, что Иисус Христос мыслится одновременно и Богом, и человеком, т.е. Богочеловеком (термин, который встречается еще у Оригена [4, с. 295]), и, соответственно, признается две природы божественная и человеческая, то философия всеединства «соединяет» их в единое природное целое, и создает новое метафизическое понятие единой богочеловеческой природы – «богочеловечества», которая по аналогии с Иисусом Христом распространяется на все человечество. Словом «богочеловечество», таким образом, обозначается особая природа человека, его качественная, а также само все единое человечество в целом. Мир сотворен, а человек по природе (пусть и потенциально) богочеловечный, то есть представляет собой нечто особое по природе. Соотношение внутри богочеловечности – мера, которая может варьироваться, не отмечая самой его богочеловечности в принципе. В результате в метафизике всеединства мы видим, своего рода, антиномизм. С одной стороны признается различие природ, с другой стороны они должны быть едиными, то есть слитными. Понятие богочеловечности позволяет метафизике всеединства примирить в рамках панентеизма, в какой-то степени, это противоречие на философском концептуальном уровне.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
2. Карсавин Л. П. О личности // *Религиозно-философские сочинения*. М.: Ренессанс, 1992. Т. 1. С. 1–232.
3. Карсавин Л. П. *Философия истории*. СПб.: Комплект, 1993. 351 с.
4. Элен Петер. Идея Богочеловечества в философии Владимира Соловьева // В. С. Соловьев и его философское наследие. М.: Феноменология – Герменевтика, 2001. С. 295–317.
5. Франк С. Л. Духовные основы общества // *Духовные основы общества*. М.: Республика, 1992. С. 13–146.
6. Франк С. Л. С нами Бог // *Духовные основы общества*. М.: Республика, 1992. С. 217–404.

References

1. Bulgakov S. N. *Svet nevechernij: Sozercanija i umozrenija* [The Light unfading: Contemplation and speculation]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 415 p.
2. Karsavin L. P. O lichnosti [About personality]. *Religiozno-filosofskie sochinenija* [Religiose-philosophical works]. Moscow, Renessans Publ., 1992, vol. 1, pp. 1–232.
3. Karsavin L. P. *Filosofija istorii* [Philosophy of history]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1993, 351 p.
4. Jelen Peter. Ideja Bogochelovechestva v filosofii Vladimira Solov'eva [The idea of Godmanhood in the philosophy of Vladimir Solov'ev]. *V. S. Solov'ev i ego filosofskoe nasledie* [V. S. Solov'ev and his philosophical legacy]. Moscow, Fenomenologija – Germenevtika Publ., 2001, pp. 295–317.
5. Frank S. L. Duhovnye osnovy obshhestva [The spiritual foundations of society]. *Duhovnye osnovy obshhestva* [The spiritual foundations of society]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 13–146.
6. Frank S. L. S nami Bog [God is with us]. *Duhovnye osnovy obshhestva* [The spiritual foundations of society]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 217–404.

СМЫСЛ «ДЕЛИБЕРАТИВНОГО ПОВОРОТА» В ТРАКТОВКЕ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Сытин Андрей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, E-mail: a_syтин@mail.ru

Статья посвящена развитию идей коммуникативной модели демократии и явлению в западной политической мысли и отчасти – политической практике, возникшему на рубеже XX и XXI веков и получившему название «делиберативного поворота». Показывается генетическая связь между этим явлением и существовавшими ранее коммуникативными трактовками демократического политического процесса. Анализируются причины, которые привели к качественному развитию коммуникативной модели в указанный период. Показывается, что в контексте современных идей развития демократии идеи делиберативного характера политического процесса являются скорее относительно умеренными и занимают промежуточное положение между максималистскими (республиканскими) и минималистскими

(либеральными) идеями. Анализируются концептуальные модели делиберативной демократии, при этом особое внимание уделено анализу концепции С. Бенхабиб. Осмысливаются возможности и пределы практического осуществления идей делиберативной демократии, необходимые для нее условия и основные связанные с воплощением этих идей проблемы.

Ключевые слова: плюрализм, демократия, равенство, обсуждение, делиберативная демократия, принципы, нормативизм, основания демократии, компетентность

THE SIGNIFICANCE OF "DELIBERATIVE TURN" IN UNDERSTANDING OF DEMOCRACY IN CONTEMPORARY WESTERN POLITICAL THOUGHT

Syтин Andrei G., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, E-mail: a_syтин@mail.ru

The article deals with the development of the ideas about the communicative model of democracy and the "deliberative turn". This phenomenon of the western political thought and partly – of political practice emerged at the turn of the XX and XXI century. The author demonstrates the consanguinity between this phenomenon and the previous understandings of democratic political process. The reasons, which led to the qualitative development of the communicative model in the mentioned period, are analyzed in the article. It is stated that in the context of the contemporary ideas of the development of the democracy the ideas of the deliberative description of the political process are relatively moderate and are intermediate maximalist (republican) and minimalist (liberal) ideas. The article examines conceptual models of deliberative democracy, special attention is paid to the analysis of the concept of S. Benhabib. The article analyses the opportunities and the limits of the practical application of the ideas of the deliberative democracy, the necessary conditions for its application and the problems connected with it.

Key words: pluralism, democracy, equality, deliberation, deliberative democracy, normativism, foundations of democracy, competence

В начале XXI в. в западной политологической литературе все больше говорится о «делиберативной политике», «делиберативной демократии», а в последние годы эта тематика подается в несколько особом ключе, не как разговор о некоей новой модели демократии (моделей было и есть уже очень немало), а как о преобразовании всего мыслительного «поля», в рамках которого происходит современное осмысление демократии и вырабатываются представления о путях ее дальнейшего развития и совершенствования, как о некоем общем и очевидном повороте в понимании демократии в целом, о некоей «норме», вне которой едва ли возможно вообще отвечающее современным задачам размышление о демократии [15]. Такая постановка вопроса делает необходимым и для нас исследование данной тенденции в контексте тех вызовов, которые стоят сегодня перед демократией как политической системой и типом политического процесса. Цель данной статьи – попытаться определить причины, наиболее важные черты обозначенной тенденции и пределы применимости этого нового нормативного взгляда на демократический политический процесс.

Пониманию существа новой тенденции, на наш взгляд, может способствовать следующее рассуждение одного из главных теоретиков «делиберативной демократии», американского политического философа турецкого происхождения Сейлы Бенхабиб: «На мой взгляд, демократию можно лучше всего понять как модель организации коллективного и публичного применения власти в основных институтах общества на основе следующего принципа: решения, затрагивающие благосостояние всех, рассматриваются как результат процедур свободного и разумного обсуждения между людьми, считающимися равными в нравственном и политическом отношениях» [1, с. XXXVI]. Здесь ясно видно, что для сторонников делиберативной демократии она – не просто одна из сосуществующих моделей, а принцип понимания демократии вообще. Очевидна также связь принципа делиберативной демократии с существовавшим и раньше принципом партисипаторной концепции, что все решения, затрагивающие чьи-либо интересы, должны приниматься с участием тех, чьи интересы они затрагивают. С особой отчетливостью эта связь предстает в следующей формулировке С. Бенхабиб: «Основопологающим для совещательной демократии (*термин переводчика – А. С.*) является принцип, согласно которому голос каждого, кого касается норма, закон или политический курс, должен быть включен в демократическое обсуждение, ведущее к их принятию» [1, с. 177]. В то же время ясно предстает здесь и различие делиберативной установки с жестко выраженной партисипаторной установкой: если во втором случае нормативом выступает участие в *принятии* решений, то здесь – лишь в их *обсуждении* перед принятием. Таким образом, делиберативное понимание демократии выступает здесь как в определенной степени компромиссное, в отличие от жестко проведенных максималистских или минималистских установок по отношению к ней.

Тут нужны, по-видимому, некоторые уточнения применяемой терминологии. Точно так же, как термин *consociational* демократии в переводе пережил определенные приключения и обрел даже вид диковинной «со-общественной» демократии (как будто может быть какая бы то ни было демократия без общества), пока не обрел устойчивого обозначения «согласительной», термин *deliberative* демократии в переводе не очень-то поддается. В литературе встречаются, в частности, такие варианты перевода, как «совещательная», «обсуждающая», «консультативная», «диалоговая». Понятно, что термин *deliberative* происходит от английского глагола *deliberate*, а через него – от латинского *delibere*, что означает «обдумывать», «взвешивать», а также «совещаться, обсуждать». Таким образом, все слова, характеризующие коллективное обсуждение, какое-то отношение к этому термину имеют. Однако в любом из них теряется другой, не менее важный, его смысл: «обдумывать, взвешивать». Слово «диалоговая» едва ли подходит потому, что речь идет об общении с довольно значительным кругом участников. Остальные же термины слишком мало передают специфику явления: действительно, какая демократия не включает элемента обсуждения, совещания? Даже прямая демократия в классических Афинах, несомненно, включала, и в достаточно значи-

тельной мере, такой элемент. В тем большей степени это относится к любой представительной системе. Поэтому все термины, относящиеся к явлению обсуждения, не передают в должной мере специфики феномена делиберативной демократии. Поэтому в данной статье мы и используем термин «делиберативная», не стараясь выбрать из существующих или предложить какой-то новый вариант его перевода.

При всей относительной новизне феномен делиберативной демократии, конечно, отнюдь не лишен корней. Что касается обсуждения, то оно, вероятно, было и остается спутником демократического принятия решений в течение всего времени существования такого способа управления. Во всяком случае, уже в «Истории» Фукидида афинский стратег Перикл обосновывает разумность способа управления, включающего неспешное публичное обсуждение сложных вопросов государственной жизни. «Мы не думаем, – говорит Перикл, – что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против» [13, п. 40]. Таким образом, и прямая демократия не исключала некоторого коллективного обсуждения перед принятием решений. И, более того, это обсуждение понималось как очень ценное. Так, Аристотель полагал, что обычные граждане, дискутирующие друг с другом и совместно принимающие решения, могут достичь в этой деятельности даже лучших результатов, чем эксперты, действующие поодиночке. То есть ценность публичного обсуждения вопросов до принятия решений была ясным образом отмечена еще в античные времена.

Представления о таком обсуждении, естественно, эволюционировали с развитием парламентаризма. Термин «делиберативная» применительно к дискуссии в Англии, например, отмечался уже с XV в. Авторы знаменитого «Федералиста» в конце XVIII в., особенно Дж. Мэдисон, защищали систему, которая объединяла бы начала умеренной демократии и совещательности. В XIX в. можно говорить уже о формировании (без использования такой терминологии), по существу, коммуникативной теории демократии. Так, Дж. Ст. Милль обосновывает идеи «правления через дискуссию» и горячо защищает принципы свободы мысли и слова. Дискуссию Милль считает чрезвычайно важной, поскольку людям, по его мнению, свойственно ошибаться. Одновременно в Германии Юлиус Фрëбел развивает идею, что всеобщая воля, необходимая для принятия решений, должна образовываться из свободной воли граждан путем дискуссии и голосования. Фрëбел ищет таких условий коммуникации, которые позволили бы как-то комбинировать процесс образования мнения, ориентированный на истину, с образованием ориентированной на политическое решение воли большинства. Решение большинства, по Фрëбелю, может приниматься лишь таким образом, чтобы по содержанию быть итогом рациональной дискуссии [15, с. 37–39]. Здесь сформулирован важный принцип, легший впоследствии в основу идей не только коммуникативной, но и делиберативной демократии. Сам процесс образования мнения здесь рационально мотивирует решения большинства.

В XX в. идеи демократии как рациональной коммуникации получили значительное развитие. Так, крупнейший американский философ 1-й половины XX в. Джон Дьюи рассматривал дискуссию заинтересованных граждан как саму сущность демократии. Во 2-й половине XX в. Эрих Фромм в проекте создания «здорового общества» и соответствующей ему «демократии участия» развивал идею создания относительно небольших групп, которые образовали бы постоянно действующие совещательные органы и принимали, по итогам дискуссии, важные решения, которые потом доводились бы до органов государственной власти [12, с. 188–189]. Невозможно не увидеть сегодня в этой идее прообраз многих современных практических экспериментов в области делиберативной демократии.

Собственно же теория делиберативной демократии возникает и развивается в последние два десятилетия XX в. Определенным импульсом к ее созданию, как отмечают специалисты, послужили труды по философии коммуникации Ю. Хабермаса [14; 15; 28]. За эти десятилетия о делиберативной демократии, в особенности на английском языке, написано на удивление много. Никак нельзя сказать, однако, что уже создана какая-то единая авторитетная теория делиберативной демократии. И все же, пожалуй, есть некие признаваемые всеми авторами ее черты и принципы. В наиболее ясной форме эти принципы сформулированы, пожалуй, Сейлой Бенхабиб. «Основу легитимности в условиях демократии, – пишет она, – следует усматривать в следующей посылке: институты, претендующие на законную власть, могут осуществлять ее постольку, поскольку принимают решения на основе беспристрастности, т.е. в интересах всех. Эту посылку можно реализовать на практике только тогда, когда решения в принципе открыты для должным образом организованных процессов публичного обсуждения свободными и равными гражданами» [1, с. XXXVIII].

В этом рассуждении Сейлы Бенхабиб появляется еще один важный сюжет – сюжет о легитимности власти. Позиция политического философа состоит в том, что сегодня время выдвигает новые требования к легитимности, и, в частности, именно то, что подготавливаемые решения власти должны быть открыты для организованных процессов публичного обсуждения.

Другой важный сюжет у С. Бенхабиб – идея двухуровневого подхода к политике, который, по ее мнению, свойствен делиберативной демократии. При этом один уровень – это существующие представительные институты, а другой – гражданская демократическая публичная сфера. И этот уровень должен быть подключен для решения общественных проблем. По мнению американского философа, процесс публичного выдвижения убедительных аргументов не только определяет легитимность создаваемых таким образом норм. Нужно иметь в виду, что для Сейлы Бенхабиб ситуация мультикультурализма есть не только реальность сегодняшней жизни, но и значимый личный опыт. Поэтому делиберативные подходы она пристально рассматривает и оценивает и с этой стороны: а могут ли они что-то дать для разрешения конфликтов мультикультурного общества. По мнению С. Бенхабиб, создание гражданской публичной сферы в этом отношении как раз очень важно: без нее конфликты могут быть лишь заморожены, но не разрешены.

Основной принцип делиберативного подхода С. Бенхабиб формулирует следующим образом: «Имеют силу только те нормы и нормативные институциональные механизмы, на которые в рамках осо-

рых ситуаций обсуждения, именуемых дискурсами, готовы согласиться все, кого это касается» [1, с. 127]. Такая формулировка представляется в какой-то мере излишне жесткой, поскольку по многим вопросам всеобщего согласия достичь не удастся. Однако здесь отметим еще один важный сюжет: делиберативное обсуждение – это далеко не всякий коллективный разговор на заданную тему. Делиберативное обсуждение требует особых условий и особой процедуры. Не случайно в ряде направлений этого идейного движения, чтобы изучить мнение человека, его на короткий срок «вырывают» из всей его работы и семейной жизни с тем, чтобы он мог погрузиться целиком во все аспекты проблемы, решение которой необходимо найти. Дискурс в данном контексте – это прежде всего организованная дискуссия, с заранее определенными участниками, с жесткими правилами, с необходимостью аргументировать свою позицию, приводить рациональные доводы, быть готовым выслушать возражения.

С. Бенхабиб формулирует также принципы «всеобщего нравственного уважения» и «эгалитарной взаимности». Всеобщее уважение, по мнению философа, требует, чтобы мы признавали право на участие в моральном обсуждении за всеми людьми, способными говорить и действовать. А принцип эгалитарной взаимности в данном контексте устанавливает, что в рамках данного дискурса у каждого из участников должно быть равное право на высказывания, на предложение новых тем, на требование обосновать положения, на которых строится разговор.

Поскольку речь идет об установлении неких правил организованного обсуждения, то неизбежно встает вопрос о справедливости этих правил и сравнении их с исходными установками, на которых построил свою теорию Дж. Роулз. По мнению С. Бенхабиба, правила делиберативной демократической процедуры предпочтительнее. Если в схеме Роулза предложена ограниченная повестка дня, то схема делиберативной демократии оставляет повестку дня публичной дискуссии открытой. Если у Роулза «общественный разум» не связан с реальным обществом, то в схеме делиберативной демократии публичная сфера погружена в гражданское общество. Если у Роулза социальные пространства, в которых находит свое выражение общественный разум, также ограничены, то схема делиберативной демократии нацелена на ненасильственные и не завершающиеся процессы формирования мнения в неограниченной публичной сфере. Либерализм, по мнению С. Бенхабиба, нацелен на правовое регулирование и судопроизводство, модель же делиберативной демократии обращается прежде всего не к государству, а к свободной публичной сфере гражданского общества. В этой последней модели не предполагается, что морально-политический диалог обязательно приводит к консенсусу по поводу норм. Подход на основе модели делиберативной демократии также сосредоточен на взаимодействии между формальными институтами либеральных демократий и неофициальными процессами в гражданском обществе.

Важно также отметить, что, в соответствии с нормативной схемой, как отмечает Х. Валадес, коллективные решения возникают не в результате агрегирования уже существующих пожеланий; напротив, члены политического сообщества пытаются повлиять на позиции друг друга с помощью публичного диалога [цит. по: 1, с. 160].

С. Бенхабиб отмечает также, что публичная сфера не унитарна, а плюралистична. Поэтому делиберативные процессы не устраняют необходимости вести борьбу и иными средствами, например, демонстраций, забастовок, занятия помещений и т.п. Они не заменяют также других форм социального общения, а как бы надстраиваются над ними. Дискурсы, по мнению философа, являются процессами обучения, как в области морали, так и в области политики. Важно также понимать, что делиберативная деятельность состоит не просто в спорах, а в нахождении взаимоприемлемых путей сотрудничества и продолжения сосуществования друг с другом.

Выше мы уже говорили о том, что для идеологов делиберативной демократии существуют некоторые всеми признаваемые принципы, но общей систематически выстроенной теории у них нет. Наоборот, между ними наметились расхождения по достаточно существенным вопросам. Первый из таких вопросов – должны ли обычные граждане участвовать непосредственно в принятии законов. Здесь также выявляются сторонники представительства и сторонники прямого участия (по-видимому, это различие – все же главное среди тех, кто поддерживает демократию); идея же «совещательного голосования» видного американского теоретика делиберативной демократии Джеймса Фишкина обозначает волю к достижению компромисса между этими направлениями.

Еще одно различие разделяет тех, кто видит в делиберативной демократии прежде всего средство для решения социальных и политических проблем – и тех, кто видит в ней в первую очередь средство воспитания и накопления социального капитала. Действительно, делиберативные процедуры способны помогать в решении разного рода общественных проблем, но они также могут быть ценными в увеличении взаимопонимания между гражданами, росте взаимного уважения и доверия между ними, увеличении социального капитала, готовности граждан к сотрудничеству в вопросах, которые требуют общего участия. Внимание к такого рода влияниям отличает сторонников делиберативной демократии от «чистых» процедуралистов, считающих, что демократия – это прежде всего строгое следование установленным процедурам.

Идеи делиберативной демократии находят выражение также в достаточно интересных общественных экспериментах. Обратимся здесь лишь к одному примеру – так называемому «совещательному опросу», инициированному, как уже говорилось, Джеймсом Фишкиным. Его задачей было смоделировать мнение населения, как если бы оно имело возможность рассматривать обсуждаемые вопросы в полном объеме. Для этого была сформирована случайная выборка со всей страны. Потом отобранных граждан собрали вместе и погрузили в материал одной, специально выбранной проблемы. Их снабдили хорошим запасом информационных материалов по этой проблеме; перед ними в течение нескольких дней выступали лучшие специалисты по этой проблеме и политики, имевшие опыт решения подобных проблем. Отобранные граждане имели возможность задать вопросы специалистам, провести содержательные дискуссии. После нескольких дней интенсивной проработки проблемы среди участников провели подробный опрос; результа-

том его стали рекомендации о возможных путях решения проблемы, и их довели до представителей властных органов, которым предстоит реально решать обозначенную проблему.

Таким образом, в этом опросе участвовали обычные граждане, однако имевшие возможность на несколько дней по-настоящему «погрузиться» в проблему, о которой шла речь. «По большому счету, – пишет об этом опросе Дж. Фишкин, – совещательный опрос можно рассматривать в качестве реального слежка гипотетического общества, то есть – мыслящего и заинтересованного общества, которого пока нет» [10, с. 22].

В целом, в идеях «делиберативной демократии» пока ощущаются, конечно, элементы утопизма. Поэтому звучат как похвалы, так и критика в адрес их авторов. Их критикуют в частности, за то, что делиберативная демократия-де требует от человека слишком многого; ожидает от него искреннего интереса и живого участия к тому, что может быть весьма далеко от сферы его жизненных интересов. Уделять столько внимания и времени обсуждению общественных проблем, полагают критики, – значит придавать политике такое значение, какого в реальной жизни она не имеет, за исключением очень небольшого числа людей. Эксперименты, по мнению критиков, переоценивают также способность рядовых граждан к сложному и беспристрастному суждению по общественным проблемам. Критики идеи пишут также, что равенство условий в выработке решений обеспечить не удастся, поскольку граждане, которые уже обладают преимуществами богатства, власти и высокого статуса, будут доминировать и в публичных обсуждениях. Сторонники же идей делиберативной демократии полагают, что, хотя идеальных условий для делиберативных обсуждений, конечно, нет, но даже не идеально проводимые, такие обсуждения становятся важным стимулом для роста необходимой для демократии общественной активности, уважения и доверия к своим согражданам, а также готовности граждан сотрудничать с государством и друг с другом в решении важных общественных проблем. Нужно заметить также, что идея «делиберативной демократии» выражает, можно сказать, динамическое понимание политики. Делиберативные обсуждения способны выполнять роль инструмента необходимых обновлений. В результате таких обсуждений принципы и практики, которые были оправданы для определенного времени, могут быть пересмотрены и заменены при необходимости на иные принципы и практики. Примечательно, что « делиберативные демократии» не одобряют использование референдумов, если только они не проводятся в таких условиях, которые позволяли бы серьезное обсуждение вынесенных на голосование на референдуме вопросов.

Список литературы

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. 350 с.
2. Бессет Дж. М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М., 2011. 336 с.
3. Бусова Н. А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 44–54.
4. Горовиц Д. Состязание идей // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М., 2006. С. 123–128.
5. Гутманн Э., Томпсон Д. Демократия и разногласия // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М., 2006. С. 16–21.
6. Назарчук А. В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. 2011. № 5. С. 99–103.
7. Поцелуев С. П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов н/Д, 2010. 496 с.
8. Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999. 148 с.
9. Сытин А. Г. Делиберативная политика // Философия политики и права. 100 основных понятий / под общ. ред. Е. Н. Мощелкова. Пушкино, 2014. С. 41–42.
10. Фишкин Дж. С. Глас народа // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М., 2006. С. 22–24.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995. 256 с.
12. Фромм Э. Иметь или быть? 2-е изд., доп. М., 1990. 336 с.
13. Фукидид. История. Кн. 2, п. 40.
14. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
15. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. 245 с.
16. Blondiaux L. La délibération, norme de l'action publique contemporaine? // Revue Projet. 2001. № 4 (268), p. 81–90.
17. Bohman James. Public deliberation: pluralism, complexity, and democracy. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. Vol. 11. 303 p.
18. Debating deliberative democracy / ed. by James S. Fishkin and Peter Laslett. Malden, MA: Blackwell, 2003.
19. Deliberative democracy / ed. by Jon Elster. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 1998. Vol. 11. 282 p.
20. Deliberative democracy essays on reason and politics / ed. by James Bohman and William Rehg. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. Vol. 30. 447 p.
21. Deliberative politics: essays on democracy and disagreement / ed. by Stephen Macedo. New York: Oxford University Press, 1999. Vol. 11. 289 p.
22. Dryzek John S. Deliberative democracy and beyond: liberals, critics, and contestations. Oxford: Oxford University Press, 2000. Vol. 7. 195 p.
23. Encyclopedia of democratic thought / ed. by Paul Barry Clarke and Joe Foweraker. New York: Routledge, 2001.
24. Fishkin J. S. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1991. Vol. 8. 133 p.

25. Gundersen Adolf G. *The environmental promise of democratic deliberation*. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1995. Vol. 14. 265 p.
26. Gutmann Amy, Thompson Dennis. *Democracy and disagreement*. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1996. Vol. 8. 422 p.
27. Gutmann A., Thompson, D. *Why deliberative democracy?* Princeton: Princeton University Press, 2004. 217 p.
28. Habermas Jurgen. *Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy*. Oxford: Polity, 1996. 600 p.
29. *Intergroup dialogue: deliberative democracy in school, college, community, and workplace* / ed. by David Schoem and Sylvia Hurtado. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. Vol. 11. 363 p.
30. Mouffe Chantal. *Deliberative democracy or agonistic pluralism*. Wien: Institut für Höhere Studien, 2000. 17 p.
31. Nino Carlos Santiago. *The Constitution of deliberative democracy*. New Haven, CT: Yale University Press, 1996. 251 p.
32. Valadez Jorge. *Deliberative democracy: political legitimacy and self-determination in multicultural societies*. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001. Vol. 14. 386 p.

References

1. Benkhabib S. *Prityazaniya kultury. Ravenstvo i raznoobrazie v globalnyu eru*. Moscow, 2003, 350 p.
2. Besset Dzh. M. Tikhyy golos razuma. *Deliberativnaya demokratiya i amerikanskaya sistema gosudarstvennoy vlasti*. Moscow, 2011, 336 p.
3. Busova N. A. *Deliberativnaya model demokrati i politika interesov. Voprosy filosofii*, 2002, no. 5, pp. 44–54.
4. Gorovits D. *Sostyazanie idey. Teoriya i praktika demokrati i. Izbrannye teksty*. Moscow., 2006, pp. 123–128.
5. Gutmann E., Tompson D. *Demokratiya i raznoglasiya. Teoriya i praktika demokrati i. Izbrannye teksty*. Moscow, 2006, pp. 16–21.
6. Nazarchuk A. V. *Ponyatie deliberativnoy politiki v sovremennom politicheskom protsesse. Polis*, 2011, no. 5, pp. 99–103.
7. Potseluev S. P. *Dialog i kvazialog v kommunikativnykh teoriyakh demokrati i*. Rostov-on-Don, 2010, 496 p.
8. Sergeev V. M. *Demokratiya kak peregovornyy protsess*. Moscow, 1999, 148 p.
9. Sytin A. G. *Deliberativnaya politika. Filosofiya politiki i prava. 100 osnovnykh ponyatiy*. Ed. by Ye. N. Moshchelkov. Pushkino, 2014, pp. 41–42.
10. Fishkin Dzh. S. *Glas naroda. Teoriya i praktika demokrati i. Izbrannye teksty*. Moscow, 2006, pp. 22–24.
11. Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Moscow, 1995, 256 p.
12. Fromm E. *Imet ili byt?* Moscow, 1990. 2nd ed., 336 p.
13. Fukidid. *Istoriya*. Book 2, p. 40.
14. Khabermas Yu. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, 417 p.
15. Khabermas Yu. *Demokratiya. Razum. Nrvstvennost. Moskovskie lektsii i intervyu*. Moscow, 1995, 245 p.
16. Blondiaux L. *La délibération, norme de l'action publique contemporaine? Revue Projet*, 2001, no. 4 (268), p. 81–90.
17. Bohman James. *Public deliberation: pluralism, complexity, and democracy*. Cambridge, MIT Press Publ., 1996, vol. 11, 303 p.
18. *Debating deliberative democracy*. Ed. by James S. Fishkin and Peter Laslett. Malden, Blackwell Publ., 2003.
19. *Deliberative democracy*. ed. by Jon Elster. Cambridge, New York, Cambridge University Press Publ., 1998, vol. 11, 282 p.
20. *Deliberative democracy essays on reason and politics*. Ed. by James Bohman and William Rehg. Cambridge, MIT Press Publ., 1997, vol. 30, 447 p.
21. *Deliberative politics: essays on democracy and disagreement*. Ed. by Stephen Macedo. New York, Oxford University Press Publ., 1999, vol. 11, 289 p.
22. Dryzek John S. *Deliberative democracy and beyond: liberals, critics, and contestations*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2000, vol. 7, 195 p.
23. *Encyclopedia of democratic thought*. Ed. by Paul Barry Clarke and Joe Foweraker. New York, Routledge Publ., 2001.
24. Fishkin J. S. *Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform*. New Haven, London, Yale Univ. Press Publ., 1991, vol. 8, 133 p.
25. Gundersen Adolf G. *The environmental promise of democratic deliberation*. Madison, University of Wisconsin Press Publ., 1995, vol. 14, 265 p.
26. Gutmann Amy, Thompson Dennis. *Democracy and disagreement*. Cambridge, London, Belknap Press Publ., Harvard University Press Publ., 1996, vol. 8, 422 p.
27. Gutmann A., Thompson, D. *Why deliberative democracy?* Princeton, Princeton University Press Publ., 2004, 217 p.
28. Habermas Jurgen. *Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy*. Oxford, Polity Publ., 1996, 600 p.
29. *Intergroup dialogue: deliberative democracy in school, college, community, and workplace*. Ed. by David Schoem and Sylvia Hurtado. Ann Arbor, University of Michigan Press Publ., 2001, vol. 11, 363 p.
30. Mouffe Chantal. *Deliberative democracy or agonistic pluralism*. Wien, Institut für Höhere Studien Publ., 2000, 17 p.
31. Nino Carlos Santiago. *The Constitution of deliberative democracy*. New Haven, Yale University Press Publ., 1996, 251 p.
32. Valadez Jorge. *Deliberative democracy: political legitimacy and self-determination in multicultural societies*. Boulder, Westview Press Publ., 2001, vol. 14, 386 p.